

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Научная статья

УДК 339.9(571.6:510)

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-8-15

Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия: новые перспективы и новые риски

Олег Маркович Рензин

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, renzin@ecrin.ru

Аннотация. Современное развитие Дальневосточного региона России тесно связано с приоритетностью ускоренного решения этой задачи для национальной экономики и последовательной реализацией на этой основе программы интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион, экономического «продвижения на Восток». В 2013–2021 гг. значительное количество правительственных, отраслевых и региональных программ было посвящено реализации этих задач. Однако осуществляемые производственные, социальные, инфраструктурные и институциональные преобразования на Дальнем Востоке показали сложности перестройки в традиционных направлениях и необходимость инициирования новых решений. Одни из них определяются поддержкой принципиальных изменений в перспективных стратегиях мирового экономического процесса, активной структурной перестройкой экономик стран Северо-Восточной Азии, в т. ч. вводящих в качестве одного из императивов развития «углеродное регулирование». Вторые носят вынужденный адаптивный характер к изменяющимся условиям экономической деятельности в постпандемийном мире, стимулирующем развитие ряда сфер межгосударственного взаимодействия и ограничивающем развитие других. Третьи ориентированы на активное предложение Россией странам АТР новых возможностей партнерства за счет реализации высокочастотных инфраструктурных проектов, создающих импульсы для международного сотрудничества России (развитие железных дорог Восточного полигона и Северного морского пути). В настоящее время в каждом из перспективных направлений развития региональной экономики намечены ориентиры, позволяющие прогнозировать эффективные результаты их реализации. Однако одновременно эти проекты генерируют новые риски, способные препятствовать достижению поставленных целей. Их идентификацию и учет следует рассматривать как существенную составляющую среднесрочного прогнозирования.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, Дальний Восток России, среднесрочное прогнозирование, углеродное регулирование, постпандемийная экономика, инфраструктурное обеспечение регионального развития

Для цитирования: Рензин О.М. Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия: новые перспективы и новые риски // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 8–15. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-8-15>

The Far East of Russia and the North-Eastern Asia: New Prospects and New Risks

Oleg M. Renzin

The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia, renzin@ecrin.ru

Abstract. *The modern development of the Far-Eastern region of Russia is closely related to the priority of accelerated solution of this problem for the national economy and the consistent implementation on this basis of the program of Russia's integration into the APR, economic «advance to the East». In 2013–2021, a significant number of governmental, sector and regional programs were devoted to the implementation of these tasks. However, the ongoing industrial, social, infrastructural and institutional transformations in the Far East have shown the difficulties of restructuring in traditional directions and the need to initiate new solutions. Some of them are determined by the support for fundamental changes in the future strategies of the world economic process, active restructuring of the economies of the North-Eastern Asia countries, including introducing “carbon regulation” as one of the imperatives of development. The latter are of a forced adaptive nature to the changing conditions of economic activity in the post-pandemic world, stimulating a number of spheres of interstate interaction, and limiting others. Still others are focused on the active proposal by Russia to the APR countries of new partnership opportunities through the implementation of high-cost infrastructure projects that create impulses for Russia's international cooperation (development of the railways of the Eastern range and the Northern sea route). At present, in each of the promising areas of development of the regional economy, landmarks have been outlined that make it possible to predict the effective results of their implementation. However, at the same time, these projects generate new risks that can hinder the achievement of the set goals. Their identification and accounting should be considered as an essential component of medium-term forecasting.*

Keywords: *the North-Eastern Asia; the Far East of Russia; medium-term forecasting; carbon regulation; post-pandemic economy; infrastructural support of regional development*

For citation: Renzin O. M. The Far East of Russia and the North-Eastern Asia: New Prospects and New Risks // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 8–15. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-8-15>

Начало 2020-х гг. стало для мировой экономической системы периодом неожиданных и крайне глубоких изменений. В предыдущие годы перспективы архитектуры мирового устройства и сложившиеся оценки генеральных трендов были достаточно устойчивыми (глобализация и эффективная инновационность). Если речь заходила о возможных корректирующих эту направленность факторах, то назывались политические и финансовые, инструментарий учета которых также был хорошо известен как в теоретическом, так и прикладном аспектах. Это было отчетливо обозначено в прогнозах долгосрочных перспектив экономического процесса как в мире в целом, так и в отдельных его частях [На пороге..., 2000].

Однако именно в этих, получивших фактически хрестоматийный характер, безусловностях развития в XXI веке воз-

никли отклонения такого масштаба, который заставил пересмотреть не только очевидную ранее возможность их реализации, но и запустил большой набор новых альтернативных трендов в перспективных траекториях развития национальных и международных экономических систем.

Взрывной характер новых неопределенностей в последние годы вызвал необходимость изменений в научной идентификации и оценке рисков социально-экономического развития, рассмотрении вариантов их проявления. Ранее с этой проблематикой были связаны преимущественно теоретические исследования и основанные на них практические технологии обеспечения эффективного функционирования отдельных сегментов социума: финансовой системы, инвестиционных процессов и

т. д. Макроэкономисты добавляли к ним риски, обусловленные цикличностью развития и связанными с ней периодически повторяющимися подъемами и спадами в хозяйственной деятельности. Они рассматривали, с одной стороны, депрессивные риски, генерирующие негативные тенденции в развитии мировой экономической системы или экономики того или иного государства. С другой стороны, предметом исследований были структурные риски, обусловленные перестройкой экономических систем, переливами капитала из одних секторов в другие и т. д. Микроэкономисты в своем сегменте знаний изучали бизнес-риски и разрабатывали варианты эффективного риск-менеджмента для отдельных предприятий и организаций.

Для многоуровневой пространственной организации общественной системы эти частные оценки складывались в сценарии, которые представляли некие комбинации прогнозных оценок потенциального развития/неразвития для отдельных территорий, стран, регионов или всего мира в целом. В национальном и субнациональном масштабах хрестоматийная работа с рисками заключалась в идентификации государством возможных отклонений в реализации проводимой экономической политики, создании управленческого инструментария для минимизации этих рисков, принуждения участников экономического процесса к осуществлению антирисковых мероприятий [Чаплинский, Плаксин, 2016].

В наиболее рафинированном и успешном виде такая деятельность осуществлялась правительствами и центральными банками в финансовой сфере, где был накоплен большой опыт как национального, так и международного регулирования. В других сегментах такая государственная практика не получала широкого применения, что было связано либо с используемыми либеральными моделями, либо с отсутствием отработанных технологий макроэкономического риск-менеджмента.

Однако, уже начиная с 1990-х годов, в проблематике, связанной с изучением и оценкой социально-экономических рисков для территориальных систем, произошли кардинальные изменения, ориентированные на необходимость более сложного и более детального анализа процессов мирового, регионального и нацио-

нального развития.

Во-первых, пространственный масштаб рассмотрения рисков значительно расширился и приобрел глобальный характер. При этом возникли новые риски, значительно отличающиеся по природе от традиционно учитываемых [Тавадян, 2019].

Так, после катастрофического распада Советского Союза и преобразования общественных систем стран социалистического лагеря под пристальное внимание международного научного сообщества попали институциональные риски, которые были связаны с трансформацией и модификацией устройства национальных экономик, перестройкой государственного управления и учетом последующего влияния этих процессов на мировое территориальное развитие. Затем к ним прибавились цивилизационно значимые экологические проблемы, включенные в рабочую повестку практически всех международных организаций. Оценка этих рисков и принуждение государств к активизации деятельности по их снижению стали долгосрочным трендом мировой политики. И, наконец, после 2019 г. весь мир испытал последствия давно не наблюдаемых рисков глобальной эпидемии. Все эти события сильно изменили ценностные ориентиры экономического и социального развития, по-иному иерархизировали оценки факторов, влияющих на рост и развитие территориальных хозяйственных систем и составляющих их секторов, что потребовало расширения и изменения способов управляющего воздействия на них.

Во-вторых, произошла переоценка чувствительности экономики к возникающим рискам. Если ранее в социально-экономических процессах шкалирование возможных вариантов рассматривалось в интервалах «эффективно – неэффективно», или «рационально – нерационально», или «выгодно – убыточно», то теперь в явном виде в рассмотрение была включена опция «катастрофа – предотвращение катастрофы», которая раньше была характерна исключительно для рисков глобальных военных, технологических или природных конфликтов.

В-третьих, временные лаги учета рисков значительно увеличились. Кроме краткосрочных (до 1 года) и среднесрочных (5–7 лет) периодов их воздействия на

экономические и социальные процессы, все чаще стали рассматриваться и учитываться в организации деятельности как отдельных государств, так и международного сообщества прогнозные интервалы продолжительностью в 30–40 лет.

В-четвертых, стала очевидной необходимость рассмотрения сложных межсистемных взаимодействий и порождаемых ими комбинаций рисков, для чего стали проводиться активные междисциплинарные исследования (например «технологии – общество», «информационные процессы – экономика» и др.) [Синтез..., 2011]. При этом происходит выстраивание «цепочек» генерации новых рисков за счет взаимодействия уже известных и учтенных в традиционном риск-менеджменте.

Таким образом, в современной ситуации социально-экономические риски трансформировались из одной из позиций широкого списка характеристик общественного развития в фактор, принципиально определяющий параметры прохождения этого процесса. При этом их воздействие испытывают все стороны общественной деятельности: социально-политическая, финансово-экономическая, технологическая, экологическая и т. д.

Все происходящие изменения привели к трансформации представлений о рисках развития пространственных систем. Одновременно с процедур риск-менеджмента на общемировом уровне возникла проблема учета специфических проявлений таких рисков при локализованном взаимодействии отдельных групп стран и экономик. На субглобальном уровне специалистами стали рассматриваться сложные геополитические конфигурации возникновения и потенциального влияния рисков на процессы развития. В частности, со всей очевидностью стали проявляться особенности реализации всеобщих рисков в отдельных макрорегионах мира – Европейском, Азиатско-Тихоокеанском, Северо-Американском и т. д. Это определило необходимость выстраивания сложной системы мониторинга и идентификации рисков, которая должна включать, с одной стороны, национальные особенности их проявления, с другой стороны, влияние общемировых трендов на возникновении неопределённостей, и, с третьей стороны, формирование сложных

производных комбинаций из страновых и глобальных рисков, формирующихся в отдельных мировых макрорегионах.

Для российской экономики (в силу её гигантских территориальных масштабов и значительной неоднородности) пространственная составляющая реализации наднациональных рисков распадается на ряд специфических региональных проявлений. В частности, для Российского Дальнего Востока таким операционным риск-пространством является Северо-Восточная Азия (далее – СВА), где своеобразно трансформируются глобальные процессы, формируются новые неопределенности и новые риски, и, соответственно, для всех национальных структур, включенных в регион, возникает необходимость разработки новых локальных стратегий развития. В этом региональном случае комплекс проблем, определенных реализацией национальных проектов и эффективной организацией международного сотрудничества, будет связан с номенклатурой рисков, выделенных в качестве определяющих для глобальной системы, для национальной экономики России, для сообщества стран, включенных в пространство СВА.

Если рассмотреть многочисленные современные прогнозные оценки, то очевидно, что такой список потенциальных рисков, безусловно, возглавляют последствия продолжающейся пандемии и энергично начавшийся в мире энергопереход. Ранее существование таких проблем принципиально признавалось, но учитывалось в реальной экономической политике в очень незначительной степени. Они не считались значительно влияющими на развитие общества. Однако в современной ситуации они рассматриваются как мощно воздействующие на все стороны деятельности общества и даже, по некоторым оценкам, как ведущие к принципиальным флуктуациям в цивилизационном процессе.

Так, для глобального масштаба развития по консенсус-оценкам авторитетных экспертов Всемирного экономического форума и Евразийской группы на ближайшие десять лет было выделено более 20 рисков. Из них в качестве наиболее значимых по негативным последствиям были названы инфекционные болезни и проблемы, связанные с экологией [The

Global..., 2021; Top Risks, 2021].

Принципиально не отличается от общемировой структура оценок, сложившихся в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На встрече лидеров экономик форума АТЭС 16 июля 2021 г. было заявлено: «Пандемия продолжает наносить сокрушительные удары по населению и экономикам региона АТЭС. Наши усилия в области диагностики и лечения COVID-19 остаются критически важными». И далее, «В контексте разработки планов устойчивого восстановления, сопряжённых с глобальными усилиями, мы подтверждаем важность экономической политики, сотрудничества и роста, вносящих вклад в борьбу с изменением климата и другими серьёзными экологическими вызовами» (курсив мой – О.Р).¹

Для национальной российской экономики специалистами Всемирного банка основными факторами генерирования рисков были признаны четыре процесса, происходящих в мировой системе. Они включили, во-первых, возникновение экологических проблем окружающей среды и климатических изменений, вызывающие необходимость энергоперехода; во-вторых, новые угрозы для здоровья населения, в т.ч. риски продолжения эпидемических процессов. Кроме того, в числе важных для страны были названы неопределенность и резкие изменения конъюнктуры на мировых рынках, вызывающие инфляционные реакции; а также политически мотивированные (санкционные) ограничения экономической деятельности [Доклад..., 2021].

Исходя из сложившейся общепризнанности на всех уровнях, выделенные процессы рискообразования можно расценивать как наиболее существенные и для Дальнего Востока России. Они не только оказывают существенное непосредственное воздействие на производственную систему и население, но провоцируют формирование цепочек новых рисков, охватывающих все сферы деятельности – экономической, политической, социальной.

В данной статье рассмотрены особенности воздействия на экономику Дальне-

восточного региона карбонового риска, который является наиболее долгосрочным и требующим постоянного внимания в обозримой перспективе. Связанный с ним перечень перспективных задач для организации экономической деятельности становится все более значимым для всех стран, включая Россию.

Для страны в целом этот риск специалисты связывают, прежде всего, с ожидаемыми финансовыми потерями от снижения углеводородного и сырьевого экспорта в размере 10–15% на горизонте до 2050 года [Russia..., 2021]. Однако для российского Дальнего Востока возможные негативные последствия могут быть значительно глубже. Это связано с особенностями экономического развития региона, ориентированного, прежде всего, на активные внешнеэкономические контакты со странами Северо-Восточной Азии.

При оценках перспектив развития Дальнего Востока не может не привлечь внимание явно проявляющийся в странах СВА ускоренный переход к организации «зеленой» низкоуглеродной экономики. Это определяет не только их внутреннюю структурную перестройку, но и значительное изменение требований к связанным с ними странам и регионам.

К безусловным азиатским лидерам этого процесса относится главный экономический партнер Дальнего Востока – КНР. В планах развития Китая на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.) и на дальнейшую перспективу особо оговаривается ориентация на развитие высокотехнологичного и экологичного производства, реализация экологической концепции «изумрудные воды и зеленые горы – это бесценное сокровище», системное упорядочение защиты окружающей среды, развитие возобновляемой энергетики и полный переход к углеродному балансу к 2060 г. [Рензин, Суслов, 2021. С. 8–15]. Для реализации поставленных целей Китаю предстоит осуществить глубокую трансформацию экономической структуры страны, провести ряд принципиальных изменений в системах энергоснабжения и энергопотребления. Это уже начало осущест-

¹ Заявление лидеров экономик форума «Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество»: преодолевая пандемию COVID-19 и ускоряя экономическое восстановление. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5668>

вляться на практике, что подтверждается реальными экономическими и институциональными мероприятиями. Так, за последние десять лет страна стала главным мировым производителем оборудования для возобновляемой энергетики, начиная с февраля 2021 г. в КНР начала функционирование национальная система торговли выбросами [Битва..., 2021].

Другим мировым лидером в «зеленом» развитии является Япония, которая осуществляет значительные инвестиции в углеродно-нейтральные сектора экономики: ветровую, солнечную и гидроэнергетику, переработку отходов. В течение последнего десятилетия затраты в эти сферы кратно увеличились, и уже к 2050 г. Япония планирует использовать только возобновляемые источники энергии [Renewables..., 2020].

Еще одной из стран СВА, которая к этому сроку планирует добиться углеродной нейтральности, превратить экономику страны, основанную на ископаемом топливе в экологически чистую, является Южная Корея. Её президент Мун Чжэ Ин официально объявил о задаче перейти к углеродной нейтральности к 2050 году. Принятая в 2020 году программа национального развития, названная «Новый курс», ориентирована на ускоренное сокращение выбросов парниковых газов и поддержание углеродной устойчивости [The Korean..., 2020].

Такая активная позиция ведущих стран СВА, с одной стороны, продиктована большой экологической нагрузкой на их высокоразвитые экономики. С другой стороны, для них это в определенной степени вынужденное решение, поскольку основные рынки сбыта для этих стран – европейский и североамериканский – вводят все более жесткое углеводородное пограничное регулирование. Одновременно необходимо отчетливо понимать, что такая ситуация ведет их к принятию аналогичных решений по отношению к своим поставщикам. Вполне логичным и ожидаемым является возведение ими соответствующих углеродных барьеров в национальных экономиках, которое становится неотъемлемой частью экономической политики, включая высокую вероятность введения ими специальных углеродных платежей при трансграничных операциях (подобных планируемому в Европе carbon

border adjustment mechanism).

О серьезности возникающих в этом случае проблем для развития Дальневосточного региона России свидетельствуют несколько показателей. В 2020 г. ведущие страны СВА занимали в экспорте Дальнего Востока 77,6%. При этом на долю углеродоёмких товарных позиций (продукции топливно-энергетического комплекса и металлургии, минерального сырья) приходилось 61,2% [Прокопало, Бардаль, Исаев, Мазитова, Суслов, 2021. С 120–122]. Учитывая такую специфику сложившегося внешнеторгового потенциала Дальнего Востока, можно прогнозировать сильную негативную реакцию экономики региона на предполагаемые изменения углеродных стандартов в деятельности стран-партнеров. Их реализация безусловно окажет существенное влияние на конкурентоспособность дальневосточного сырьевого экспорта, вплоть до полного исключения из внешней торговли в перспективе ряда ключевых товаров. В таком случае большие потери понесут как производители, так и транзитёры угля, нефти, черной металлургии и нефтехимии.

Очевидно, что с этих позиций в экономическую стратегию России на Дальнем Востоке следует вносить существенные коррективы. Необходима объективная оценка влияния генерируемых карбоновых рисков на экономическое и социальное развитие региона и разработка региональной стратегии эффективного управления ими.

Разумеется, проблема внедрения низкоуглеродных технологий в Дальневосточном регионе далеко не однозначна. Для текущего развития территории определено проще и значительно дешевле продолжать использовать природные ресурсы, а не развивать «зеленую» экономику. Однако перспективная уязвимость экономического развития региона от карбоновых рисков показывает высокую вероятность отклонения в реализации национального плана инкорпорирования в Северо-Восточную Азию (так называемый «стратегический поворот на Восток»).

Чтобы его реализовать, необходимо договариваться о карбоновом взаимодействии с крупнейшими экономиками региона – Китаем, Японией и Южной Кореей. Тем более, что каждая из стран-перспективных участниц этого процес-

са, включая Россию, не только выразила готовность перейти к углеродной нейтральности, но и обозначила позитивное отношение к международному сотрудничеству в этой области [Поворот..., 2021. С. 71–72; Jin-Young Moon, 2021. С. 4]. Безусловно, следует рассматривать такую интеграцию не только как платформу для эколого-экономических проектов. Очевидно, что за счет этого создается качественно новый потенциал экономического взаимодействия в Северо-Восточной Азии, использование которого может реализоваться в долгосрочной перспективе для широкого круга программ развития.

Важным условием для этого является оценка сложившейся ситуации не только как проблемы нарастания рисков для экономики Дальневосточного региона России и нахождения путей уклонения от них, но и как новый шанс для активизации процессов развития. Это может быть реализовано в стратегии целенаправленного превращения возникающих глобальных и региональных рисков в выигрышные проекты, позволяющие осуществлять экспансию на новые рынки углеродной нейтральной продукции. Такой подход может стать перспективным и с экономической, и с социальной, и с геополитической позиций.

Список источников:

1. Битва за климат: карбоновое земледелие как ставка России: экспертный доклад. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. 2021. 120 с.
2. Доклад по экономике России № 46. Декабрь 2021. М.: Группа Всемирного банка. 2021. 133 с.
3. На пороге 21 века. Доклад о мировом развитии 1999/2000. М.: Изд. «Весь мир». Всемирный банк. 2000. 288 с.
4. Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях «зеленой» трансформации мировой экономики и политики. М.: Международные отношения 2021.
5. Прокопало О. М., Бардаль А. Б., Исаев А. Г., Мазитова М. Г., Суслов Д. В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2020 г. // Пространственная экономика. 2021. № 2. С. 81–126.
6. Рензин О. М., Суслов Д. В. Модернизация стратегии экономического роста в КНР и перспективы активизации межгосударственного партнерства с РФ // Власть и управление на Востоке России. № 1. 2021. С. 8–15.
7. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия 2050. Владивосток. Дальнаука. 2011. 912 с.
8. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р.
9. Тавадян А. А. Полосы неопределенности и вариативность экономики. М.: Флинта. 2019 104 с.
10. Чаплинский А. В., Плаксин С. М. Управление рисками государства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 2.
11. Jin-Young Moon. Carbon Neutrality: Actions Speak Louder than Words // KIEP Opinions. 2021. № 204. P. 4.
12. Russia and Global Green Transition: Risks and Opportunities. World Bank. 2021. 110 pp.
13. Renewables 2019 Global Status Report Paris: REN21 Secretariat. 2020
14. The Global Risk Report 2021. 16 Edition. World Economic Forum. 2021. 97 p.
15. The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea July 2020 71 p.
16. Top Risks 2021. Eurasia Group. N-Y. 2021. 27 p.

References:

1. Battle for the climate: carbonic agriculture as the rate of Russia: an expert report. M.: Izd. House of the Higher School of Economics, 2021, 120 p. (in Russian).
2. Russian Economic Report No. 46. December 2021. Moscow: World Bank Group. 2021, 133 p. (in Russian).
3. On the threshold of the 21st century. World Development Report 1999/2000. Moscow: Ed. «The whole world». The World Bank. 2000, 288 p. (in Russian).
4. Turn to nature: a new environmental policy in Russia in the context of the «green» transformation of the world economy and politics. Moscow: International Relations 2021. (in Russian).
5. Prokopalo O. M., Bardal A. B., Isaev A. G., Mazitova M. G., Suslov D. V. Economic conditions in the Far Eastern Federal District in 2020 *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2021, no. 2, pp. 81–126. (in Russian).
6. Renzin O. M., Suslov D. V. Modernization of the strategy of economic growth in the PRC and the prospects for enhancing interstate partnership with the Russian Federation *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], no. 1, 2021, pp. 8–15. (in Russian).
7. Synthesis of scientific, technical and economic forecasts: Pacific Russia 2050. Vladivostok. Dalnauka, 2011, 912 p. (in Russian).
8. Strategy for the socio-economic development of the Russian Federation with a low level of greenhouse gas emissions until 2050 «, approved by the order of the Government of the Russian Federation of October 29, 2021, no. 3052-r. (in Russian).
9. Tavadyan A. A. Bands of uncertainty and variability of the economy. M.: Flint, 2019, 104 p. (in Russian).
10. Chaplinsky A. V., Plaksin S. M. Risk management of the state *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Questions of state and municipal management], 2016, no. 2. (in Russian).
11. Jin-Young Moon. Carbon Neutrality: Actions Speak Louder than Words *Mneniya KIEP* [KIEP Opinions], 2021, no. 204, pp. 4.
12. Russia and Global Green Transition: Risks and Opportunities. World Bank, 2021, 110 p.
13. Renewables 2019 Global Status Report Paris: REN21 Secretariat, 2020.
14. The Global Risk Report 2021. 16 Edition. World Economic Forum. 2021, 97 p.
15. The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea July, 2020, 71 p.
16. Top Risks 2021. Eurasia Group. N-Y., 2021, 27 p.

Статья поступила в редакцию 28.10.2021; одобрена после рецензирования 24.11.2021; принята к публикации 26.11.2021.

The article was submitted 28.10.2021; approved after reviewing 24.11.2021; accepted for publication 26.11.2021.

Информация об авторе

О. М. Рензин – канд. экон. наук, советник научного руководителя, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

O. M. Renzin – Candidate of Economics, advisor of the scientific head, The Economic Research Institute of FEB RAS.